

КРИСТОФЕР
РОСС

МЕЧ
МИСИМЫ

ПО СЛЕДАМ
ЛЕГЕНДАРНОГО
ПИСАТЕЛЯ
И САМУРАЯ

УДК 111.82
ББК 83.3(0)

P76 Росс К.

Меч Мисимы: По следам легендарного писателя и самурая/Кристофер Росс; пер. с англ. — М.: ООО «Издательство «Добрая книга», 2009. — 308 с.

ISBN 978-5-98124-279-3

Перевод: И. Колбутова

Это случилось 25 ноября 1970 года: после провала попытки государственного переворота, японский писатель, драматург, режиссер и актер Юкио Мисима вонзил нож в свой мускулистый живот, после чего был обезглавлен своим собственным древним мечом. Совершив демонстративное самоубийство с пунктуальным соблюдением всех древних ритуалов, Мисима поставил своих поклонников перед загадкой более трудной, более завораживающей, более мрачной, более страстной, чем все его творчество.

Тридцать лет спустя Кристофер Росс приехал в Токио в поисках меча Мисимы, пытаясь разгадать смысл жизни и преждевременной смерти этого уникального и сложного человека. Он встречается с теми, кто знал писателя: с ремесленниками и критиками, с солдатами и бойцами на мечах, с любовниками и биографами, — и даже с человеком, научившим Мисиму древнему ритуалу харакири.

Эта книга, как сама жизнь и смерть Мисимы, — не поддающаяся классификации смесь путевых заметок, биографических материалов и философских изысканий, завораживающее повествование о современной Японии, увиденной автором изнутри, о смысле жизни и о загадочной смерти одного из самых необычных людей XX столетия.

Издательство «Добрая книга»

Телефон для оптовых покупателей: (495) 650-44-41
Адрес для переписки / e-mail: mail@dkniga.ru
Адрес нашей страницы в Интернете: www.dkniga.ru

Издание осуществлено по соглашению с компанией A.P. Walt Limited и литературным агентством Synopsis.

Все права защищены. Любое копирование, воспроизведение, хранение в базах данных или информационных системах или передача в любой форме и любыми средствами — электронными, механическими, посредством фотокопирования, записи или иными, включая запись на магнитный носитель, — любой части этой книги запрещены без письменного разрешения владельцев авторских прав.

Сделано в России
ISBN 978-5-98124-279-3

© Christopher Ross, 2006

© Издание на русском языке, перевод на русский язык.
ООО «Издательство «Добрая книга», 2009

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ АВТОРА	9
<i>Смерть в Токио</i>	11
<i>Первичное. РЕЧЬ</i>	25
<i>Вторичное. МЕЧ</i>	183
ЛИТЕРАТУРА	297
СЛОВАРЬ	301

*На самом деле, вся Япония — чистый вымысел.
Нет такой страны, нет такого народа.*
ОСКАР УАЙЛЬД, «Упадок лжи»

ОТ АВТОРА

Когда я начал писать «*Меч Мисимы*», у меня не было собственного дома, поэтому я вел странствующий образ жизни. Я глубоко благодарен друзьям, которые великодушно приглашали меня останавливаться у них, предоставляя мне комнату, квартиру или даже дом, иногда неоднократно. В Лондоне: Майклу Иви, Клэр и Айдану Хартли, Силии и Ллойд Эвансам, Руперту Селдону, Джону Селдону и Леде Лигнос. В Валенсии: Салуде Ботелле и Джейсону Вебстеру. В Париже: Джону Весту. В Токио: Кэичи Хирамацу, Томоко и Хироси Такаси.

Множество людей помогли мне постичь жизнь и трагическую смерть Юкио Мисимы, его творчество, а также историю самураев и мечей, искусством обращения с которыми они владели. Некоторые из тех, кто мне помогал, настаивали на том, чтобы я не выражал им официальной благодарности, но я, тем не менее, хотел бы поблагодарить их. Помощь и дружба Генри Скотта Стоукса была бесценной на протяжении всего проекта. В Сэки Канэко Магороку согласился встретиться со мной, когда многие другие просто отказались бы. Кэйдзи Игараси был дружелюбным и услужливым хозяином, перед которым открывались все двери в городе. Я хотел бы также поблагодарить Киёми Уэхару. В Токио — Кэндзи Мисина терпеливо объяснял мне многое из того, чего я тогда не понимал. Профессор Такаси Иноуэ разъяснил для меня ряд вопросов, относящихся к творчеству Мисимы. Эндрю Рэнкин любезно согласился обсудить со мной мою работу над биографией Мисимы. Джонатан Уоттс, из британской газеты *Guardian* (тогда он работал в Японии, сейчас — в Китае), дал множество полезных комментариев и неоднократно составлял мне приятную компанию за кружкой пива. Уильям Хауэлл, с которым

мы вместе более десяти лет назад начали заниматься айкидо и который сейчас значительно превзошел меня, всячески поддерживал, когда я нуждался в ободрении. Накаяма-сан и ее сотрудники в библиотеке клуба FCCJ* всегда с готовностью выполняли любые мои самые смехотворные просьбы, чтобы помочь в моих поисках. Все, что говорит Дональд Ричи о Японии, заслуживает самого пристального внимания, и я благодарен ему за возможность слушать его. В Нагое — я хотел бы поблагодарить Фукуи-сан из храма Ацута** — за то, что он объяснил мне значение императорского меча-сокровища (ку-санаги), и в целом за то, что он помог мне понять связь между мечами и ритуалами Синто. За глубоко практическое и точное объяснение пределов и возможностей применения японских мечей в бою я признателен сэнсэю Тайсабуро Накамуре, основателю Накамура-рю, одному из величайших мастеров будо.

Моим родителям, Мэрион и Джеймсу Россам, за их бесконечную любовь и постоянную поддержку, часто выражавшуюся в конкретных делах и поступках. В лице Николаса Пирсона я нашел мудрого, всегда готового поддержать меня издателя. Стив Кокс — хороший человек с синим карандашом***. Мой друг Роберт Твиггер читал рукопись и следил за тем, чтобы я продолжал работу. Джорджия Гаррет — лучший агент, о котором можно было только мечтать. В издательстве Fourth Estate я также должен поблагодарить Сильвию Кромптон, Робина Харви, Веру Брайс, Джулиана Хампфрис, Ричарда Брейвери и Джеффа Коттендена за то, что они сделали эту книгу лучше, чем она была бы без их помощи.

* The Foreign Correspondents' Club of Japan — клуб иностранных корреспондентов Японии. — *Примеч. ред.*

** Ацута дзингу — синтоистское святилище в Нагое. Возможно, было основано во II веке нашей эры, упоминается в первом письменном памятнике Японии «Кодзики» (VII век). Второй по значению синтоистский храм Японии. — *Примеч. ред.*

*** Синим карандашом, как правило, в текст вносятся правка: удаления, исправления и т.д. — *Примеч. ред.*

СМЕРТЬ В ТОКИО

*События — это пена вещей, но по-настоящему
меня интересует только море.*

ПОЛЬ ВАЛЕРИ

Молодой человек, двадцати трех лет от роду, неподвижно лежит, распластавшись на скалистом берегу. Его тело разбито. В прибрежных камнях — основание белого утеса более тридцати метров высотой, выдающегося далеко в океан. Мы слышим шум моря и крики птиц. Постоянный убаюкивающий шепот волн подобен покачиванию колыбели младенца. Горизонт, озаренный восходящим солнцем, кажется, простирается до бесконечности, лишь кое-где виднеются облака. Наш взор возвращается к лежащему ничком юноше: его ноги гротескно скручены, как у «Повешенного» на карте таро.

Затем, под воздействием какой-то неведомой силы, происходит странное действо: разбитое тело молодого человека начинает неестественно двигаться. Юноша резко откидывается назад, внезапно встает, будто его подняли за невидимые ниточки, словно марионетку. Это напоминает эффект прокручиваемой назад киноплёнки. Точно! Кто-то смотрит кино в обратной перемотке.

Струйка крови, показавшаяся из уголка разбитых губ, втекает обратно в рот и исчезает там. Синяки бледнеют и пропадают. Подобно ракете, запущенной в небо, юноша прыгает вверх, взлетая вдоль склона утеса, и приземляется на его вершине, на высоте в тридцать метров, с которой открывается величественный вид на беспокойное море и усыпанный камнями берег. Молодой человек стоит на краю обрыва, снова живой. Самоубийство произошло, но в обратном порядке.

Лондон — 90-е годы XX века

От метро до «Студио» — десять минут ходьбы. «Студио» — современное здание, под крышей которого расположились общественные и спортивные клубы, есть даже площадки для верховой езды, сауна, солярий и многое другое. Я нес с собой маленькую коричневую сумку, по форме которой можно было бы предположить, что я играю в бильярд или, может быть, состою членом стрелкового клуба. Никто не догадывался, что было в ней.

Внутри обычной сумки лежала катана, самурайский меч. Я шел на урок иайдо* в Эйсин-рю, школу японского фехтования с четырехсотлетней историей, которая уделяет особое внимание тому, что делать, когда на вас неожиданно напали, а ваш меч еще в ножнах: как его достать, нанести удар и вложить обратно в ножны — и все это произвести за считанные мгновения. Недаром мастеров иайдо называют быстрейшими мечами Востока.

Однако меч в моей сумке не был настоящим. Клинок был сделан из самого мягкого сплава цинка, и у него не было лезвия:

* Термин «иайдо» (*iaidō*) происходит от фразы «Цуне ни ите, кюни авасу» — «Что бы мы ни делали, где бы мы ни были, мы всегда должны быть готовы к любой неожиданности». Это японское искусство мгновенного извлечения катаны из ножен и одновременного нанесения удара (старое название — баттодзюцу, относится к области будо-дисциплин, использовалось самураями. Начинающие практикуются с деревянным боккэном, далее — с тупым мечом иайто. Упражнение с настоящим оружием разрешается только мастерам, примерно с шестого дана. Ученики осваивают ката, формальные упражнения, представляющие собой «вырезки» из настоящих боевых ситуаций. — *Примеч. ред.*). На сегодняшний день существует много школ и стилей иайдо, из них две самые популярные — это Мусо Дзидикэн Эйсин-рю (основанная в XVII—XVIII веках Хасэга-вой Мондоносукэ) и Мусо Синдэн-рю (основанная Накаемой Хакудо).

он не смог бы разрезать даже циновку. Во время американской оккупации Японии, после Второй мировой войны, когда все боевые искусства были запрещены, а мечи конфискованы, начали изготавливать особого рода мечи для тренировок, формой и весом напоминающие настоящие, но клинок которых невозможно было заточить. Это был иайто. Он выглядел как настоящий, и в случае необходимости, полагаю, вы могли бы выколоть кому-нибудь глаз его острым концом (киссаки).

Я вошел в «Студио», и уличный шум осеннего вечера отступил перед этим закрытым миром с собственной атмосферой и звуками. Здание сотрясало от громкой музыки, которую можно услышать только на занятиях в танцевальных классах: диско для аэробики. Я изо всех сил пытался привыкнуть к грохоту. Когда я впервые пришел в «Студио», то был просто шокирован, полагая, что в такой обстановке будет совершенно невозможно обрести нужное состояние покоя, чтобы сосредоточиться на тренировке. Додзё* в Японии может располагаться где угодно, даже около стройплощадки. Звуки, проникающие в зал, лишь естественный шум большого города. С музыкой же, даже если она вам нравится, проблема в том, что она обычно произвольно побуждает к танцу, а у фехтования свой ритм.

Я переоделся и вскоре появился в зале, в одной руке держа маленький кейс, где была упакована моя обычная одежда (в раздевалке не было шкафчиков), а в другой — меч. На мне были уваги и хакама: хлопковая куртка, как от кимоно для занятий карате, но окрашенная в черный цвет, заправленная в плиссированную черную юбку из хлопка, хотя на самом деле это были особым образом скроенные брюки, какие прежде носили самураи для защиты одежды от пыли во время верховой езды.

Когда я, придя на занятия несколькими минутами раньше, ждал остальных, я внимательно осмотрел зал для занятий танцами. Урок степ-аэробики должен был вот-вот начаться.

* Додзё — помещение для занятий боевыми искусствами. — *Примеч. ред.*

Около двадцати сверкающих своими купальниками молодых женщин и единственный довольно упитанный мужчина, облаченный в майку и футбольные трусы, суетились, устанавливая на полу маленькие деревянные платформы. Одна из женщин, по-видимому новенькая, поскольку я никогда не видел ее здесь прежде, была одета во все ярко-розовое, слушала плеер и щеголяла по залу в солнцезащитных очках с розовой оправой, похожих на очки горнолыжников. Она недоуменно смотрела на меня сквозь затененные розовым цветом линзы. Я также с удивлением рассматривал ее, опираясь на рукоять своего меча. Пропась, разделявшая нас, была огромной — сотни лет, тысячи миль, разные культуры. Она приехала сюда, чтобы потанцевать, повеселиться, продемонстрировать свою любовь к розовому цвету и поддержать форму. Я, одетый в костюм японского феодального воина, представителя давно исчезнувшей касты, пришел учиться совсем другому — как убивать одним эффектным ударом.

В маленькой комнате на втором этаже мы опустили на колени, чтобы подготовить наши мечи. Масло* гвоздики (тёдзи) — запах, который теперь ассоциируется у меня с додзё, криками кий и фехтованием, — применяется для смазывания клинка, чтобы тот хорошо скользил при извлечении из ножен, а в случае с настоящим мечом — еще и для защиты от ржавчины. Любые излишки масла стираются специальной бумагой ручной работы (нугуиками).

На тренировках действует правило, что даже с тупым оружием, даже с иайто или деревянными мечами, мы должны обращаться с осторожностью и уважением, словно они острые, как бритва. Это хорошее правило, оно помогает избежать неправильных действий при ослаблении сосредоточенности — ведь это может повлечь за собой серьезную травму.

* Существует два вида масел, используемых для защиты клинка японского меча. Масло камелии считается лучшим, но масло гвоздики отлично подходит для иайто, так как его антибактериальные свойства предотвращают рост плесневого грибка в ножнах.

После поклона учителю и, наконец, по приказу «Торэй!» самому мечу, мы размялись несколькими учебными фехтовальными ударами (субури), а затем опустили на колени в ожидании урока. Твердый деревянный пол причинял боль, которой я втайне радовался: она очистила мои мысли от всего лишнего и помогла сконцентрироваться. Сегодня мы должны были изучать кайсяку, или дзюнто*, правильную форму ассистирования при самоубийстве, когда второй человек должен отрубить голову самоубийце (сэйто) после того, как тот сам вспорет себе желудок в печально знаменитом акте ритуального самоубийства (харакири).

Более правильная письменная форма слова «харакири» — при чтении тех же самых иероглифов в обратном порядке — 切腹 — «сэппуку». Как и в любой другой японской традиции, здесь существует определенный порядок действий (ката), который следует соблюдать при совершении данного ритуала. Задача ассистента — не допустить, чтобы после его удара голова самоубийцы покатила по комнате, как упавшая дыня. Это считается вульгарным. Требуется большое мастерство и самообладание: разрубая шею, необходимо так остановить клинок, чтобы кусок кожи на горле остался несрезанным, позволив тем самым почти отсеченной голове, словно в последнем поклоне, опуститься аккуратно на грудь самоубийцы.

Кайсяку — седьмой способ вынимания меча из ножен в положении сидя, которому учат в Эйсин-рю. Каждый такой прием начинается с формальной коленопреклоненной позиции сэйза**. Меч в ножнах лежит лезвием вверх, просунутый сквозь пояс, у левого бедра. По мере переноса центра тяжести на пальцы ног клинок вынимается примерно

* Техника ассистирования при сэппуку называется «кайсяку» в Мусо Дзикидэн Эйсин-рю и «дзюнто» в Мусо Синдэн-рю.

** Сэйза означает «сидение прямо». С введением западной моды на стулья вместо традиционного сидения на полу мастерство сэйза постепенно утрачивается и сейчас считается почти пыткой.

на две трети своей длины. Плавно поднимаясь, вы полностью вынимаете меч, делая шаг назад правой ногой. Затем поднимаете меч над головой так, чтобы он оказался немного за спиной, а его острый конец (киссаки) под небольшим углом смотрел вниз, при этом меч необходимо сжимать только правой рукой. Делая шаг вперед, наносите рубящий удар под углом сорок градусов к шее. В нужный момент вы останавливаете движение клинка, поднеся левую руку к рукоятке меча, навстречу движению. Поздравляем, вы только что отрубили голову! Остается только стряхнуть кровь с клинка* и медленно вложить меч в ножны, выполнив серию движений, которая называется ното, сохраняя спокойное и естественное дыхание, оставаясь при этом в невозмутимом состоянии духа, известном как дзансин — «бдительный ум».

* В иайдо ката это движение, которое называется «тибури», может быть нескольких форм, самая распространенная — круговые взмахи клинка, для того чтобы стряхнуть кровь, или наклон меча под углом, чтобы дать крови стечь. Ни один из методов не был бы эффективным, если бы речь шла о настоящей крови, вязкой и склонной к свертыванию. Самурай бы просто вытер клинок, прежде чем вложить его в ножны.

*Токио — Итигая,
Сухопутные силы самообороны,
штаб восточной группы войск,
25 ноября 1970 года**

Юкио Мисима входит в комнату № 201, где сидит, привязанный к стулу, генерал Масита. За ним следует кадет «Общества щита», капитан Масакацу Морита. На лице Мисимы — маска зловещей непреклонности. Он смотрит в пол, качая головой, и произносит: «Не думаю, что они меня услышали».

Снаружи продолжают шуметь, солдаты кричат: «Конояро!» («Ты, ублюдок!»), «Тинпира!» («Бандит!») — и, возможно, самое обидное: «Эйюу кидори сиягаттэ!» («Ты всего лишь фальшивый герой!»). Слышны полицейские сирены и шум подлетающих вертолетов. В комнате № 201, словно по контрасту, царит тишина.

Сутулясь, Мисима начинает расшнуровывать ботинки. Китель своей военной формы он начал расстегивать, уже входя в комнату.

* Мисима настаивал на дате 25 ноября для своего заранее задуманного самоубийства, отказавшись поменять дату, даже когда запланированная встреча на базе Итигая была отменена. Я провел много времени, пытаюсь выяснить, почему он избрал именно эту дату. Существуют разные теории. Сэнсэй Вакаса сказал мне, что именно в этот день в 1948 году был формально оглашен смертный приговор генералу Тодзэ и тем, кто был осужден вместе с ним. Один биограф утверждает, что это дата (в соответствии с изменением календаря) приведения в исполнение приговора Йосиде Соину в 1859 году. К тому же этот день — день формального начала профессиональной карьеры писателя Мисимы. Ни одна из этих теорий не выглядит особенно убедительной. В романе Мисимы «Ао но Дзидай» есть персонаж, которого зовут Ямадзаки, совершающий самоубийство именно 25 ноября. Поэтому, мне кажется, эта дата имеет какое-то личное значение для Мисимы, и мы вряд ли теперь когда-нибудь узнаем, что это могло бы означать для него.

— Что вы делаете? — спрашивает генерал, хотя сам хорошо понимает, что собирается сделать Мисима. Ветеран Второй мировой войны, Канэтоси Масита уже был свидетелем двух актов официального самоубийства путем вспарывания живота. — Вы должны остановиться! Это безумие!

Маленький Кога* бросает взгляд на своего командира, чтобы узнать, не должен ли он вновь заткнуть кляпом рот генералу. Еле заметный кивок Мисимы в ответ указывает на то, что в этом нет необходимости.

Мисима снимает китель, аккуратно складывает его, спускает брюки и быстро опускается на колени в положение сэйза, повернувшись лицом в сторону Императорского дворца. Под военной формой у него надета только набедренная повязка (фундоси), которую он тоже ослабляет спереди, нащупывая нужное место на своем тугом мускулистом животе кончиками пальцев правой руки, подобно доктору, проводящему осмотр. Капитан Морита пытается передать ему кисточку для письма и твердую квадратную карточку (сикиси), на которой Мисима своей кровью собирался написать иероглиф 武 — «бу» («воинственность»), но тот отмахивается от нее. Главная задача — умереть, и сделать это как можно быстрее, пока что-нибудь не помешало, пока кто-нибудь не попытался остановить его. Формальные детали сейчас кажутся неважными.

Он снимает часы, как будто останавливая время, и передает их Старому Коге — юноше, прозванному так из-за его манеры писать свою фамилию. Капитан Морита берет длинный меч, встав слева и немного позади от Мисимы. Его дыхание учащается, ладони начинают потеть, и он снова и снова вытирает их о брюки, перехватывая меч из руки в руку, непрерывно переминаясь на месте в ожидании сигнала.

Мисима оборачивается, чтобы в последний раз взглянуть на Мориту.

* Такое прозвище было у Масаёси Коги («Тоби Кога», буквально «Кога маленького роста»), у другого Коги — Хироясу — было прозвище Фуру Кога (Старый Кога). — *Примеч. ред.*

— Кими ва ямэро (Не делай этого), — говорит он капитану, умоляя того дать ему умереть одному.

Затем, взяв ёройдоси, нож для пробивания доспехов, он устанавливает его конец на своем левом боку, делает три быстро повторяющихся резких вдоха — совет из «Хагакурэ»* на случай возникновения трудностей, потом выдыхает, прежде чем быстрым рывком отвести для размаха руку с ножом и одним ударом пробить клинком стену мускулистой плоти. Четыре дюйма металла входят в его живот. Он начинает медленно продвигать острие ножа слева направо, а затем вверх до конца, чтобы вскрыть брюшину. Кровь заливает пол. Кольцо серовато-розового цвета вылезает из раны. Зловонный запах наполняет комнату.

Мисима делает знак кивком головы. Капитан Морита наносит рубящий удар мечом, сжимая его настолько крепко, насколько хватает сил. Но его поза и внезапный позыв к рвоте становятся причиной того, что клинок летит мимо цели и, скользнув по плечам Мисимы, вонзается тому в спину — вместо шеи. Мисиму откидывает вперед. Тогда Морита наносит еще один удар, который на этот раз вообще приходится по пропитанному кровью ковру. Капитан поднимает меч в третий раз, в то время как его товарищи в ужасе пронзительно кричат: «Мо иккай!» («Еще!»). Он размахивается вновь. На этот раз клинок — серебряный овал во вспышке солнечного света — вонзается в шею Мисимы, но под неправильным углом. Острие застревает, столкнувшись с челюстной костью, одной из самых твердых костей в человеческом теле. Морита, пытаясь выдернуть его, оборачивается к Старому Коге. Тот, все поняв без слов, тотчас выхватывает из рук Мориты меч, быстро поднимает его, чтобы размахнуться, прицеливается и одним ударом отрубает голову Мисимы. Она откатилась более чем на метр и остановилась. Кровь писателя, пульсируя в шейных артериях, изгибаясь струями фонтана, брызгала на встроенный в стену кондиционер.

* «Хагакурэ кикигаки» («Сокрытое в листе») — текст, написанный в XVIII веке Ямамото Цунэтомо и излагающий в романтическом идеалистическом духе бусидо этический кодекс поведения самураев.

Теперь капитан Морита встает на колени, раздевшись до набедренной повязки, брюки его военной формы спущены ниже бедер. Он вынимает свой нож и вспарывает себе живот. Из неглубокого пореза вытекает струйка крови. Старый Кога, по сигналу друга, отрубает ему голову, прервав еще одну жизнь бесстрастным ударом меча Мисимы.

Когда в 1970 году Юкио Мисима разыграл свой смертельный спектакль, он был самым знаменитым писателем в Японии, три раза выдвигавшимся на Нобелевскую премию. Количество его произведений было огромно. Его карьера как писателя началась 25 ноября 1948 года. За это время он написал сорок романов, сотни эссе и двадцать томов рассказов. Он также сочинил восемнадцать больших и множество одноактных пьес, и все они были поставлены в театре.

Помимо занятий литературой, Мисима дирижировал симфоническим оркестром и играл в кино — в обоих случаях это творчество базировалось в основном на его собственных сочинениях. Он выступал на эстраде, исполняя написанные им самим песни. Позировал для бесчисленных фото, иногда обнаженным, но всегда с расчетом на то, чтобы шокировать степенный литературный истеблишмент, играя со своей публикой. Почти все фотографии были на тему, связанную с эротикой смерти, боли и страдания. Этот эксгибиционист занимался также бодибилдингом, трансформируя свое тело бесконечными тренировками и силой воли. Вскоре после того, как ему исполнилось тридцать лет, Мисима приступил к занятиям по традиционным японским боевым искусствам: сначала кэндо, затем иайдо и, наконец, карате. Также экспериментировал с боксом, но неудачно. Пробовал танцевать, но получалось плохо.

Мисима часто становился героем новостей. В 1966 году Юкио Мисима сформировал личный боевой отряд «Общество щита» численностью сто человек, состоявший из студентов с правыми взглядами, интересующихся боевыми искусствами. Он использовал свою известность и политические контакты, чтобы получить разрешение проводить тренировки своего отряда вместе с действующей японской армией (дзизэтай) или Силами самообороны, окончил спецкурс вместе с бойцами из подразделения конной полиции, был знаком с приемами разведгрупп, обучившись тому, как, например, отрывать-ся от слежки на оживленных улицах Синдзюку*. Его научили, как пользоваться самострелом для бесшумного убийства. Он был единственным гражданским лицом в Японии, которого когда-либо брали на борт военного реактивного самолета.

Всех, кто встречался с ним, поразились энергией и силой Мисимы, его жадной жизни. И все же с раннего возраста он был одержим смертью. Фраза, которой он пользовался, чтобы описать постоянно занимавшую его мысль в «Исповеди маски», в книге, ставшей прорывом в его творчестве и опубликованной в 1949 году, когда автору было всего двадцать четыре года, — «Смерть, и Ночь, и Кровь». Все его творчество можно рассматривать как заполнение пробела в когда-то принятом им решении умереть.

Мне было интересно, может ли этот странный человек, его творчество, его жизнь и его еще более странная смерть, чему-нибудь научить меня. У нас с ним были некоторые точки пересечения в судьбах. Я тоже писатель. Также занимался боевыми искусствами, немало времени посвятил работе над телом и его правильному соотношению с разумом. Мой склад ума хотя и не был таким «готическим», как у Мисимы, или с особыми отклонениями, но он тоже далек от общепринятых стандартов. И местом где можно было бы размышлять над этими вопросами, должна быть Япония — страна, где я прожил почти пять лет и куда мне пришлось вернуться.

* Район Токио. — *Примеч. ред.*

ПЕРВИЧНОЕ

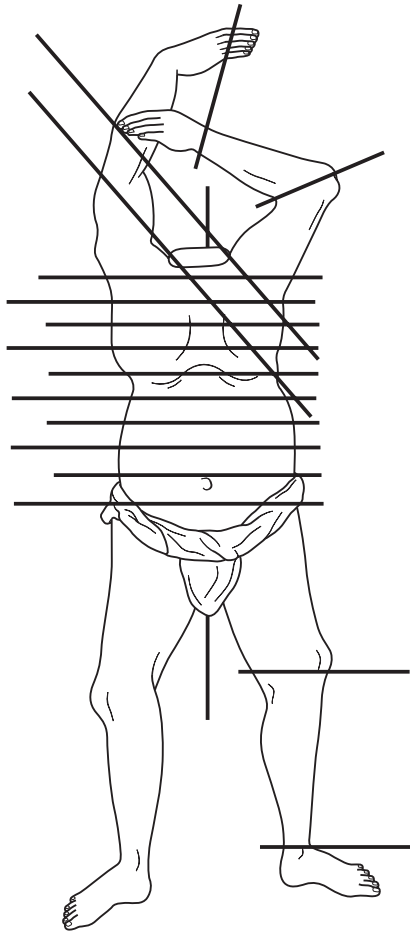
Речь

Слова весьма вещественны: чернила,

Бессмертия чудесная роса!

Она миллионы мыслей сохранила...

Лорд Байрон «Дон Жуан»

Линии разрубания на связанном человеческом теле в тамэсигири

Ключи прибыли в маленьком пухлом конверте, обклеенном множеством марок, словно их использовали не только для оплаты за пересылку, а еще и для того, чтобы сохранить форму пакета. Я насчитал семнадцать марок: одиннадцать за восемьдесят иен, одну за девяносто иен, четыре за сто десять иен и одну за сто тридцать иен. На них были разные изображения: копия укиё-э «Красная Фудзи»*; мультяшный школьник в синей форме, держащий слишком большую перьевую ручку, с толстым белым голубем, с оливковой ветвью над его головой; фестиваль танцор в элегантном костюме на празднике урожая риса, проводимом на крайнем севере острова Хонсю, в префектуре Акита; один мальчик, на котором не было ничего, кроме фундоси и маски для ныряния, который сжимал в руке леску с только что пойманной рыбой, стоя между деревянными лодками с таким типом весел, что можно увидеть только на островах Рюкю, на самом юге. В конверт вместе с ключами была вложена цветная открытка с изображением аэробуса японской авиакомпании ANA, вылетающего из Токио. А с обратной стороны всего одно предложение: «Мне необходимо уехать, можешь занять мою квартиру. Кен».

Три латунных ключа на связке были присоединены к брелку, который я уже видел раньше. Он был большой, металлический, в форме японского иероглифа (кандзи) «макото». Кен обычно шутил, каламбуя с сильным акцентом, что этот иероглиф — «ключ к японскому характеру». «Макото» означает «искренность».

* Имеется в виду знаменитая работа Кацусики Хокусая (1760—1849) из серии «Тридцать шесть видов горы Фудзи» (середина 20-х — начало 30-х годов XIX века.). — *Примеч. ред.*

Кэнити Хирамацу — все сокращали его имя до Кен (Кенсан, Кен-тян, Кен-кун или просто Кен) — владелец маленького бара (сунакку) в Сибуя, где днем продают кофе, а ночью переходят на торговлю спиртными напитками. Он был на два или три года старше меня. Мы были знакомы с ним уже семь лет. Когда-то Кен работал поваром в гранд-отеле «Империял» в Токио, и, думаю, именно тогда скопил немного денег, как он сам выразился: «Взял свою жизнь обратно». Мы познакомились в середине 1990 года, когда я жил в Токио. Тогда мне удалось совершить нечто невозможное, проникнуть в закрытый мир маленьких токийских баров. Я настолько веселил Кена, что стал одним из завсегдатаев его бара и вошел в число небольшой группы избранных, чьи еда и напитки субсидировались за счет повышения платы для других посетителей.

Однажды Кену понадобилась помощь, и я энергично взялся за дело. Казалось, ничего сложного, но, поскольку оказание этой помощи представляло для меня опасность, к тому же потребовались некоторые расходы с моей стороны, Кен и я теперь были, на японский лад, связаны нерушимым союзом взаимных обязательств. Он любил внезапно закрыть свой бар и незаметно исчезнуть, оставив только строчку-другую на куске картонки, прикрепленном к запертой двери. Иногда там указывалась дата, когда он вернется. Вообще, Кен был немногословным, но безумно обаятельным и нравился людям. Его манера напевать помогала мне прийти в себя после безумия токийского дня. Достаточно было лишь нескольких минут, проведенных в компании с Кеном, чтобы почувствовать, как напряжение спадает, словно сброшенная кожа. Должно быть, кто-то сказал ему, что я собираюсь вернуться в Токио и мне нужно где-то остановиться. Я спрашивал себя, действительно ли он куда-то уехал или просто временно перебрался пожить к какому-нибудь другу, чтобы помочь мне? В любом случае ответа на этот вопрос не будет, пока я не появлюсь в японской столице.

И вот я в самолете. Вылетел первым же рейсом. И как обычно, в «скотском» классе* — согласно цене билета. После просмотра за считанные минуты всех журналов, что были на борту, мне осталось только уставиться в маленький монитор, встроенный в спинку кресла передо мной. Я не одинок в этом занятии: чем еще можно заняться в стальной трубе, которая вот-вот перелетит через всю планету? Маленькая консоль управления встроена в правый подлокотник кресла. С помощью этого устройства можно следить за полетом по электронной карте, или выбрать для прослушивания какую-нибудь музыку, или посмотреть кинофильмы, или даже поиграть в видеоигры.

Все одиннадцать часов, пока мы пересекали Европу, Азию и океан, сидящий рядом со мной японец, которому было около двадцати лет, без перерыва играл в гольф. Я слышал приглушенные звуки ударов, когда он бил по виртуальному мячу. Я дремал, он играл. Я пил, он играл. Я читал, он играл. Я ел, он играл за едой. Я уже планировал его неминуемую смерть, он играл, даже не подозревая об опасности. Я встал прогуляться до туалета, когда он начал новую игру, а вернувшись, вновь нашел его играющим. Он не покидал места, ему не нужно было в туалет, только играть. «Отаку (тупица)», — бормочу я шепотом с преувеличенно японской гримасой. У отаку просто нет выключателя.

* Cattle class (англ. сленг) — суперэконом-класс. — *Примеч. ред.*

Отсутствие выключателя — ключевая метафора для попытки понять различные эксцессы недавней и более отдаленной истории Японии. Даже сейчас политическая машина, бюрократия и правительство напоминают самолет, отправленный после окончания войны в полет оккупационными властями SCAP*. И этот самолет с тех пор продолжает свой полет, но пилота в кабине нет. Самолет летит на автопилоте. Изменить курс — в данном случае отклониться от тотального стремления к экономическому росту — почти невозможно.

Итак, я вновь на пути в Японию, и на этот раз в поисках меча, использованного для отсечения головы величайшего современного японского романиста при его самоубийстве, которое произошло тридцать лет назад. В то время мне было десять лет, и я любил смотреть детские телевизионные фильмы: «Синий Питер» (Blue Peter), «Ноггин Ног» (Noggin the Nog), «Волшебное приключение» (The Magic Roundabout), — а также присматривать за своей рыжей любимицей — морской свинкой по кличке Расти.

* Supreme Commander for Allies Powers — Верховный главнокомандующий союзными войсками, оккупационными властями, возглавляемыми генералом Дугласом Макартуром.

Это случилось 25 ноября 1970 года: после провала попытки государственного переворота, японский писатель, драматург, режиссер и актер Юкио Мисима вонзил нож в свой мускулистый живот, после чего был обезглавлен своим собственным древним мечом. Совершив демонстративное самоубийство с пунктуальным соблюдением всех древних ритуалов, Мисима поставил своих поклонников перед загадкой более трудной, более завораживающей, более мрачной, более страстной, чем все его творчество.

Тридцать лет спустя Кристофер Росс приехал в Токио в поисках меча Мисимы, пытаясь разгадать смысл жизни и преждевременной смерти этого уникального и сложного человека. Он встречается с теми, кто знал писателя: с ремесленниками и критиками, с солдатами и бойцами на мечах, с любовниками и биографами, — и даже с человеком, научившим Мисиму древнему ритуалу хакари.

Эта книга, как сама жизнь и смерть Мисимы, — не поддающаяся классификации смесь путевых заметок, биографических материалов и философских изысканий, завораживающее повествование о современной Японии, увиденной автором изнутри, о смысле жизни и о загадочной смерти одного из самых необычных людей XX столетия.

культура Японии

бусидо. самураи

биографии

ISBN 978-5-98124-279-3

9 785981 242793

18+

Возрастные ограничения:
издательство не рекомендует книгу
читателям в возрасте до 18 лет

время на прочтение:

5 часов*

* среднее время,
необходимое
для внимательного
прочтения книги

www.dkniga.ru

ДОБРАЯ КНИГА

книги для высокоэффективной жизни™